

«МЫ ВСЕ СЧИТАЛИ ЕГО ПОГИБШИМ ЧЕЛОВЕКОМ...»

М.А.МИЛОВА

Адмирал Иван Лукьянович Талызин (около 1700—1777)

Когда мы слышим имя адмирала Ивана Лукьяновича Талызина, то вспоминаем храброго морского офицера, не позволившего императору Петру III заручиться поддержкой кронштадтской эскадры и городского гарнизона в день совершения Екатериной Алексеевной государственного переворота 28 июня 1762 г. Для историка Санкт-Петербурга его имя связано с домом № 21 по Миллионной улице, которым И.Л.Талызин владел с 1750 г. и который завещал своим наследникам. Для исследователя истории России середины XVIII века, а следовательно, придворной борьбы и интриг, И.Л.Талызин известен как двоюродный брат канцлера А.П.Бестужева-Рюмина. Что же ещё рассказывают источники об этом человеке? Насколько значительной была его роль в перевороте Екатерины II? Какое положение занимал он в Адмиралтейств-коллегии?

Дворянский род Талызиных вёл своё происхождение от мурзы Кучука Талгазина, поступившего в 1436 г. в Муроме на службу к великому князю Василию Васильевичу, за что ему были пожалованы земли в Муромском уезде. За хорошую службу в XVII веке вотчинами одаривались предки адмирала Лукьян Иванович и Иван Лукьянович¹. Узы родства связывали Талызиных с Бестужевыми-Рюминами (Евдокия Ивановна, тётка будущего адмирала, вышла замуж за Петра Михайловича Бестужева-Рюмина), Нелединскими-Мелецкими (Анна Ивановна, её сестра, стала супругой Юрия Степановича Нелединского-Мелецкого), Куракиными и Лопухиными². Отец Ивана был стольником, а с 1693 г. — воеводой в Берёзове. В семье было трое детей: старший Иван, Алексей и Фёдор. О матери ничего не известно. Впрочем, также неизвестен год рождения первенца — 1700 или 1701. Биографы И.Л.Талызина начинают рассказ только с 1715 г., когда юноша был зачислен в Морскую академию³. В следующем 1716 г. он вместе с другими гардемаринами был направлен по указу Петра I на учёбу в Венецию.

Скажем несколько слов о практике изучения морских наук в петровское время. В 1701 г. была учреждена Навигацкая школа в Москве, готовившая кандидатов в морские офицеры. Но российский флот имел не очень долгую историю, не хватало опытных учителей. К 1702 г. относятся первые обращения русского царя к монархам западноевропейских государств о принятии на службу русских юношей для обретения навыков в морском деле. С 1706 г. начались регулярные поездки, а в 1708 г. на учёбу отправились не только юноши из простых сословий, но и отпрыски из дворянских семейств. Отметим, что Пётр лично следил за судьбами учеников Морской академии (так стали называться с 1715 г. переведенные в Санкт-Петербург старшие классы Навигацкой школы). За уклонение от продолжения образования в заморских странах полагался штраф. Эти деньги, а также отступные взносы представителей знатных фамилий шли на содержание учеников, за которыми присматривали специальные агенты. Для обучения галерному делу молодые люди направлялись в Венецию. Во Франции, Англии и Голландии будущие российские морские офицеры совершенствовали свои знания в области морского дела. По возвращении они должны были сдать экзамен, который принимал сам царь.

Весной 1716 г. Петру стало известно, что во Франции и в Венеции готовы принять русских юношей для обучения морскому ремеслу. Были отобраны лучшие ученики. 4 октября 1716 г., после смотра воспитанников на корабле «Ингерманланд», Пётр распорядился отправить на учёбу за грани-

цу более 60 гардемарин (это звание было учреждено в 1716 г. для обозначения ученика Морской академии, окончившего первый год обучения). Данная цифра достаточно велика, так как к 1714 г. навигаторами (именно так именовались молодые люди, отправлявшиеся в подобные поездки) стало 190 человек⁴. Венеция должна была принять 31, Франция — 20 и Англия — 10 юношей. Их имена российский царь назвал в письме к адмиралу Ф.М.Апраксину, отправленном из Копенгагена 15 октября 1716 г. Среди них мы видим и имя Ивана Лукьяновича Талызина⁵. Ему предстояло учиться в Венеции.

Иван Иванович Неплюев и Семён Иванович Мордвинов, также отправившиеся в дальнюю дорогу, описывали путь молодых людей к месту их обучения. Из Копенгагена, получив по шесть ефимков сверх прежнего жалования, на пришедших из Ревеля голландских кораблях под командованием командора Граве юноши прибыли в Амстердам. Более трудным был путь гардемарин, оказавшихся на корабле «Бутлер»: из-за отсутствия попутного ветра им пришлось ехать в Голландию «сухим путём на своём коште»⁶. 15 марта 1717 г. в Венецию прибыли 27 учеников. Их распределили по одному человеку на галеру «для лучшего знания итальянского языка» и «лучшей практики навигации»⁷. Ивана Талызина и Алексея Вишнякова не оказалось в числе прибывших в Венецию гардемарин. Они были оставлены в Амстердаме в помощь Андрею Федоровичу Хрущову «для науки экипажескому делу»⁸.

Мы не располагаем сведениями о годах, проведённых И.Л.Талызиным в Амстердаме. Известно, что русские мастера и ученики находились на попечении агента Фан де Бурга. Агенту, кроме надзора за молодыми людьми и защиты интересов всех русских подданных в Голландии, было поручено содействовать коммерции между российскими и голландскими купцами, нанимать мастеров, осуществлять денежные переводы, делать покупки по поручению правительства и частных лиц, выполнять различные дипломатические поручения. С течением времени ученики, направленные сюда в конце 1710-х годов для изучения морского дела, отзывались правительством. В 1728 г. в Амстердаме находились последние из них (11 человек). В конце того же года они были отозваны⁹. Таким образом, И.Л.Талызин завершил своё обучение за границей. В 1729 г. он вернулся в Москву. Здесь в московской конторе Адмиралтейской коллегии он был определён на службу при экипаже. Вероятно, отсутствие сведений о его жизни в Голландии и в Москве в это время связано с несчастьями, постигшими семью Бестужевых-Рюминых в конце 1720-х гг. Их друзья и родственники также оказались в опале. И.Л.Талызин вернулся в Россию, когда шло судебное разбирательство дела «партии» княгини А.П.Волконской, гофмейстерины и бывшей статс-дамы императрицы Екатерины Алексеевны. К этой политической группировке принадлежал и его брат Фёдор¹⁰. Несмотря на то, что Ф.Л.Талызин в 1729 г. был формально оправдан, положение семьи оставалось довольно сложным¹¹.

В феврале 1733 г. его перевели в Петербург, где 2 апреля того же года в ранге лейтенанта от флота он получил пост экипажеского помощника. Вскоре в столице скончался экипажеский советник Вилим Купер. В экспедиции должно было быть, согласно положению 1732 г., три советника, но складывалась ситуация, когда эту должность исправлял один человек. Кандидатами на освободившееся место, в помощь Андрею Хрущову, стали обер-провиантмейстер Захарий Кафтырёв, обер-комиссар Иван Микулин и экипажеский помощник Иван Талызин. Выбор был сделан в пользу последнего: 17 января 1734 г. в ранге полковника он получил пост советника экипажеской экспедиции¹². Его ежегодное денежное жалование составляло 300 рублей в год¹³.

Согласно замыслу Петра I, в составе Адмиралтейской коллегии создавалась особая экипажмейстерская контора. Но к моменту опубликования

Регламента об управлении Адмиралтейства и верфи данная контора вошла в состав адмиралтейской конторы. Постепенно, особенно в мирных условиях, необходимость корректировки петровских установлений стала очевидной. В 1732 г. была созвана специальная комиссия для выработки штатов и реформирования управления Адмиралтейской коллегии. Её руководство было возложено на адмирала А.И.Остермана (1686—1747), занимавшего руководящие посты в Морском и Внешнеполитическом ведомствах и в Кабинете министров Анны Иоанновны. Новое положение, в основе которого, конечно, был Регламент Петра I, вступило в действие в том же году. В коллегии для упрощения делопроизводства 11 контор были объединены в четыре экспедиции. Они получили следующие названия: комиссариатская, интендантская, артиллерийская и экипажеская (или, как она также называлась, адмиралтейская)¹⁴. В последнем ведомстве и состоял и продвигался вверх по служебной лестнице И.Л.Талызин. Каким был круг его обязанностей? Прилежно ли он их исполнял?

Офицер над экипажем, об обязанностях которого повествует Регламент, иначе именовался экипажмейстером, или советником экипажеской экспедиции, являвшейся одной из структурных единиц адмиралтейской конторы. Экипажмейстер входил в состав дирекции при главе конторы — директоре адмиралтейской конторы и верфи. Под его началом служило шесть мичманов, четыре боцмана, восемь боцманматов и 20 гардемарин¹⁵. Он выдавал снаряжение на новые корабли, заботился о «содержании и чистке, сбережении и хранении корабельных вещей, снятых в магазине»; ведал состоянием фарватера; присутствовал при спуске и выводе кораблей и следил за связанными с этим приспособлениями (их состоянием и хранением)¹⁶.

Должность советника адмиралтейской конторы была не менее ответственна. Повседневная служба заключалась в присутствии в конторе до полудня вместе с директором и решении текущих дел, а после полудня — в присутствии там же, но уже без начальника, и подготовке дел к рассмотрению директором и советниками совместно на следующий день¹⁷. 11 ноября 1735 г. при проверке членов присутствия на месте их службы вахмистр князь Балтерьянов, заглянув в начале 10-го часа в адмиралтейскую контору, не увидел в ней советников Петра Пушкина и Ивана Талызина, равно как и их помощника лейтенанта князя Никиты Долгорукого. Добавим, что в тот же день в кривг-комиссарской конторе отсутствовали лейтенанты князь Степан Мещерский и Никита Лопухин, в интендантской — советник лейтенант Василий Лихачёв и лейтенант Иван Новиков. По Регламенту требовалось «съезжаться в 8-м часу и сидеть по пять часов». За несоблюдение правила полагался штраф. В этот раз виновных решили строжайше наказать: за каждый час, что они в тот день не провели в своих конторах, их лишили недельного жалования. Таким образом, прогульщики не получили денежное вознаграждение за две недели службы¹⁸. Более И.Л.Талызин не был замечен в подобного рода провинностях.

Кроме того, еженедельно сменяя друг друга, советники должны были непосредственно наблюдать за различными работами в Адмиралтействе. В случае пожара на них возлагалось руководство по его ликвидации. В их ведении находились три десятивесельные и четыре восьмивесельные шлюпки, приспособления для работ — «машины». Именно от советников конторы исходили распоряжения об отправке заболевших или раненых на лечение. В конце дня советник — наблюдатель рапортовал обо всём директору адмиралтейской конторы и испрашивал приказание на следующий день¹⁹. Таким образом, перед нами предстаёт человек, занимавшийся хозяйственными делами, кадровыми вопросами и налаживавший нормальную работу Адмиралтейства в кризисных ситуациях (пожары или наводнения). Поэтому имена подобного рода «хозяйственников», как их называли бы в наше время, нам практически неизвестны. Одним из них и был И.Л.Та-

лызин, обладавший исключительно хорошей профессиональной подготовкой вследствие 12-летнего обучения «экипажескому делу».

Как далее складывалась служба И.Л.Талызина? В октябре 1740 г. проводились выборы интенданта партикулярной верфи. И.Л.Талызин входил в число кандидатов, но выбор был сделан в пользу лейтенанта князя Василия Несвицкого²⁰. Однако вскоре (30 октября 1740 г.) Иван Лукьянович получил повышение. Чин контр-адмирала соответствовал его новому посту — советника Адмиралтейской коллегии²¹. Вероятно, это было связано с положением, занимаемым при дворе его двоюродным братом А.П.Бестужевым-Рюминым, получившим 18 августа 1740 г. пост кабинет-министра²². Опытный дипломат, покинувший Россию в 1708 г. и приезжавший несколько раз на непродолжительное время, должен был найти друзей, восстановить былые связи. Проще всего было прибегнуть к помощи родственников. Однако после разгрома кружка А.П.Волконской все прежние друзья были удалены от двора. Но кому-то мог помочь и сам новый кабинет-министр.

И.Л.Талызина назначили на место советника коллегии А.Пушкина, которому было предписано занять пост архангельского губернатора. Однако через некоторое время вышел указ, о возвращении А.Пушкина к своим прежним обязанностям. 20 января 1741 г. И.Л.Талызину коллегия наказала не присутствовать на заседаниях до особого решения Сената, хотя его звание советника было подтверждено²³. Отметим, что 9 ноября бесславно, вследствие очередного дворцового переворота, завершилось регентство Э.И.Бирона. Вместе с ним был арестован и А.П.Бестужев, выдвинутый им и считавшийся деятельным сторонником герцога. Следовательно, люди, близкие к нему, или его родственники не могли не оказаться под подозрением у нового правительства. Такова, вероятно, причина 10-месячного отстранения И.Л.Талызина от дел.

25 ноября 1741 г. дочь Петра Великого Елизавета при поддержке гвардии и дворянства пришла к власти. Помимо своих сторонников, она призвала ко двору сановников, лояльных к ней, но открыто не демонстрировавших прежде своего положительного отношения к возможности установления её правления. Среди них был и А.П.Бестужев-Рюмин. 29 ноября он был восстановлен в чинах²⁴. 30 ноября в день праздника Святого Андрея Первозванного состоялось награждение участников переворота. А.П.Бестужев, как и многие другие, стал кавалером этого ордена²⁵. Были награждены и близкие ему лица: И.П.Веселовский произведен в действительные тайные советники, А.П.Ганнибал — в генерал-майоры (а также он стал обер-комендантом Ревеля и получил 569 крестьянских душ), И.А.Черкасов — в действительные статские советники (12 декабря был назначен главой Кабинета, учрежденного по образцу одноименного органа, существовавшего при Петре I); М.П.Бестужев-Рюмин вызван в Россию, — напомним, все они прежде входили в кружок А.П.Волконской и были связаны с цесаревной Елизаветой²⁶.

Главный герой этой статьи И.Л.Талызин 3 декабря 1741 г. был включён в состав следственного органа, занимавшегося делами лиц, арестованных в день переворота. Судебное собрание высших сановников государства получило название комиссии «для описи пожитков и деревень и к разобранию долгов заарестованных персон»²⁷. Заседания первоначально проходили во дворце императрицы. Елизавета постоянно присутствовала на заседаниях, но тайно: видела и слышала всё, в то время как никто и не подозревал о её присутствии²⁸. Иностранцы отмечали усердие, с которым работала комиссия. 19 января (30 по новому стилю) 1742 г. на площади перед зданием Двенадцати коллегий был объявлен приговор о вечной ссылке А.И.Остермана, Б.-К.Миниха и других лиц, о конфискации их имущества²⁹. Далее работа данного учреждения сосредоточилась именно вокруг собственности осуждённых.

Комиссия просуществовала до 24 декабря 1743 г. По окончании её деятельности И.Л.Талызин был призван для присутствия в Адмиралтейской коллегии³⁰. Благодаря содействию своего двоюродного брата, в 1745 г. он ненадолго был уволен в отпуск³¹. Однако на протяжении 1740-х гг. он фактически находился на положении присутствующего, но не советника морского коллегиального органа. Наконец, 28 сентября 1748 г. вышел специальный указ, которым И.Л.Талыzinу повелевалось «присутствовать в Адмиралтейской коллегии членом, ибо он и сначала своей службы при Адмиралтействе обретался»³². Незадолго до этого (1 января 1748 г.) он получил чин генерал-лейтенанта, а обер-экипажмейстер Яков Хитрово — чин генерал-майора. Но таких чинов не существовало в штате Морского ведомства. Поэтому они должны были получать жалованье из Военной коллегии³³.

В это же время (в 1740-е годы) в Адмиралтейской коллегии шли дебаты по вопросу о соответствии установлений Регламента штату 1732 г., повелениям Елизаветы Петровны от 2 апреля 1743 г. и 5 сентября 1744 г. и насущной потребности в членах присутствия. Дело в том что с приходом к власти Елизавета, желая везде возродить систему Петра Великого, отказалась от преобразований, выработанных в ходе работы комиссии А.И.Остермана в начале 1730-х годов. Коллегиальное решение даже самых мелких вопросов, обязательное и для каждого капитана корабля, значительно замедляло движение дел. Данные споры, по мнению их участников, должны были привести к созданию лучшей и более эффективной системы управления Морским ведомством. Неоднократно советники Адмиралтейской коллегии писали к правительнице: за 1744—1748 гг. было сделано восемь представлений. В 1748 г. они обратились за содействием к канцлеру А.П.Бестужеву-Рюмину, чтобы он лично доложил императрице о проблемах Морского ведомства, в том числе о прекращении производства в чины. Последнее было особенно важным: к тому времени во флоте состояло ровно в два раза меньше офицеров, чем было необходимо³⁴. Актуальным был и вопрос о соответствии должностей Регламенту. Вице-адмирал З.Д.Мишуков полагал, что работа общеколлежского присутствия менее эффективна, чем решение соответствующих дел в особых конторах. Большинство членов коллегии (среди них И.Л.Талызин) отмечало, что подобное разделение противоречит Регламенту и штату 1732 г., поэтому не может быть произведено без повеления императрицы. Указа в 1749 г. не последовало, вмешательство канцлера не помогло. К рассмотрению данного вопроса возвращались в 1750 и 1751 гг., но внутреннее устройство коллегии осталось прежним³⁵. Только в 1752 г. состоялось производство в чины. Следует также учесть, что, несмотря на отмену решений комиссии А.И.Остермана, в Адмиралтейской коллегии продолжали функционировать экспедиции. Это вносило путаницу в работу ведомства. Поэтому в том же 1752 г. снова утверждалось деление на конторы³⁶.

В «Генеральном рассуждении о морских и адмиралтейских чинах», поданном членами Адмиралтейской коллегии императрице и в Правительствующий Сенат в начале 1750 г., было больше противоречий Регламенту. Больше было и сторонников нововведений. Вице-адмиралы З.Д.Мишуков и А.И.Головин, контр-адмирал В.Я.Римский-Корсаков и генерал-майор Я.Хитрово, генерал-кригс-комиссар князь М.А.Белосельский-Белозерский и обер-цейхмейстер князь Б.Голицын предложили увеличить число матросов галерного флота и капитанов «полковничья, подполковничья и майорского ранга». Ими особо подчёркивалась необходимость реформирования коллежского присутствия и штата. Не поддержавшие их члены коллегии (и среди них И.Л.Талызин) снова указали на противоречие поданного мнения Регламенту. 4 мая 1750 г. авторов проекта преобразований пригласили на заседание Сената. По мнению сенаторов, представленный им текст противоречил правительственным указам. Поэтому он был возвращён в Адмиралтейскую коллегию, членам которой надлежало в недельный

срок составить отчёт об имевших место разногласиях и принятом решении. Авторы «Генерального рассуждения...» подверглись наказанию: согласно Регламенту, на них было наложено денежное взыскание за противоречивший существовавшим установлениям текст, «чтоб впредь не повадно было»³⁷. Таким образом, главной причиной споров стал вопрос о том, что принимать за основу в деле наилучшего устройства Морского ведомства: петровский Регламент 1722 г. или решения остермановской комиссии 1732 г. Во время елизаветинского царствования практически было невозможно апеллировать к установлениям, сделанным в период правления Анны Иоанновны, так как дочь Петра считала необходимым следовать заветам и возродить традиции своего великого отца³⁸. В 1757 г. последовали дальнейшие распоряжения, развивавшие положения Регламента, но всё же не устранившие недостатки в деле морского управления³⁹.

Но вернёмся к нашему герою. Мы знаем, где в эти годы поселился будущий адмирал И.Л.Талызин. После ареста (18 октября 1748 г.) и осуждения И.-Г.Лестока (март 1749 г.) в его дом на Царицыном лугу переселился генерал-поручик С.Ф.Апраксин. Получив прекрасный дом бывшего лейб-медика императрицы, он стал подыскивать покупателя для своих палат на Миллионной улице (дом № 21). 1 февраля 1750 г. их очередным владельцем и стал И.Л.Талызин⁴⁰.

Карьерный рост нашего героя продолжался. Согласно указу от 16 декабря 1752 г. адмиралу и сенатору князю М.М.Голицыну велено быть членом Петербургской сенатской конторы, управлять всеми военными и гражданскими делами. Мера являлась временной: Елизавета Петровна покинула столицу, отправившись в Москву. В помощь М.М.Голицыну были выбраны генерал-лейтенант И.Л.Талызин и вице-президент Юстиц-коллегии Ф.Эмме⁴¹. 5 мая 1757 г. И.Л.Талызин был награждён орденом Св. Александра Невского и произведён в адмиралы⁴². В это время Россия уже воевала с Пруссией. Однако наш герой не прославил своё имя в морских сражениях или экспедициях. На протяжении всей Семилетней войны он оставался в Адмиралтейской коллегии и курировал вопросы снабжения, ремонта и строительства флота, то есть фактически занимался решением экономических задач, возникавших на повестке дня в Морском ведомстве. Планы ведения войны, вопросы стратегии и тактики, координация работы Военного, Морского и Внешнеполитического ведомств были возложены на специально созданный для этого орган — Конференцию при высочайшем дворе, в которой председательствовала сама императрица. Следующим по значимости учреждением, ведавшим положением на полях сражений, являлся Военный Совет⁴³. И.Л.Талызин не принимал участия в их работе. Несомненно, что когда в Адмиралтейской коллегии обсуждались предполагаемые действия флота, он участвовал в их обсуждении. Но в данной области он не был специалистом. В период Семилетней войны И.Л.Талызин несколько раз отправлялся с другими членами коллегии в Кронштадт для смотра Кронштадтской эскадры: в 1757, 1758 и в 1761 гг.⁴⁴, а также исполнял обязанности заведующего денежной казной в казначейской конторе Адмиралтейской коллегии (с 1760 г.)⁴⁵.

Падение канцлера А.П.Бестужева-Рюмина⁴⁶ и его сторонников в начале 1758 г. явно не отразилось на его судьбе. Хотя, вероятно, основания для подобного поворота судьбы адмирала существовали. В дипломатических кругах его считали человеком, близким к канцлеру. Однажды прусский посланник А.Мардефельд именно через И.Л.Талызина попытался убедить А.П.Бестужева принять денежное подношение от своего короля Фридриха Великого. Всё же и с помощью родственника дипломату не удалось добиться задуманного⁴⁷.

Напомним, что помимо отношений с семьёй двоюродного брата, родственные узы связывали Талызиных с Куракиными и Паниными. А в сложной обстановке противостояния «партийных» группировок при дворе связи

значили очень много⁴⁸. Поэтому в последние годы царствования Елизаветы Петровны и при Петре III И.Л.Талызин исполнял свои прежние обязанности. Тем не менее его можно считать сторонником будущей императрицы Екатерины Алексеевны вследствие той роли, которую он сыграл в день её прихода к власти. Учтём также, что её поддержали и Панины, и Куракины, и Волконские, и А.П.Бестужев-Рюмин, сразу же возвращённый из ссылки⁴⁹.

Попытаемся выявить роль И.Л.Талызина в перевороте 28 июня 1762 г. Какое значение имел Кронштадт для императора, теряющего власть, и Екатерины Алексеевны, власть обретающей? Располагая крепостью и её гарнизоном, флотом можно было либо нанести ответный удар мятежникам и подавить бунт, либо бежать в иные земли, где находились значительные части российской армии и можно было получить дополнительные силы, предоставленные прусским королём. Овладение мятежниками Кронштадтом, следовательно, лишало Петра III возможности совершить подобные действия и ставило его в достаточно сложное положение: куда отступить, какие силы собирать и т. д. Однако в первой половине дня у него были и альтернативы, не связанные с Кронштадтом. Правитель мог отправиться в Лифляндию, где стояли полки, готовые к отправке в Данию, или двигаться далее; можно было повторить действия Петра Великого, когда тот в 1698 г. прервал посольство и вернулся в Россию, для того чтобы усмирить непокорных стрельцов. Но император запаниковал, он никак не мог остановить свой выбор на каком-либо одном решении. Посылаемые им из Петергофа гонцы либо переходили на сторону Екатерины Алексеевны, либо по её приказу перехватывались её сподвижниками. Время шло, а между тем всё большее число войск не только в Петербурге, но и в окрестностях столицы было приведено к присяге новой правительнице. Поведение Петра III мотивировали его трусостью, внезапностью и дерзостью переворота.

Наконец, стало очевидно, что только в Кронштадте император ещё мог найти убежище и сохранить свою власть. Данная точка зрения разделяется большинством исследователей⁵⁰. Однако более справедливо замечание А.С.Мыльникова: морская крепость была вооружена дальнобойными орудиями, защищавшими выход в Финский залив; кроме того, в водах курсировал корабль кронштадтской эскадры, препятствовавший свободному проходу в открытое море⁵¹. Но могли ли в столь критический момент император и его советники трезво оценивать ситуацию? Если да, то приближался ли корабль Петра III к кронштадтской гавани? Не является ли красочный рассказ о том, как морской офицер заявил императору, что теперь Россией правит императрица, анекдотом? Рассмотрим свидетельства современников переворота 28 июня 1762 г, которые в своих воспоминаниях упоминали и о кронштадтских событиях.

Самый подробный рассказ принадлежит перу К.-К.Рюльера (1735—1791), секретаря французского посольства в Петербурге⁵². И в столице, и в Петергофе не сразу вспомнили о морской крепости. Когда же император решил укрыться в её стенах, то не был встречен гостеприимно. Главным виновником этого оказался И.Л.Талызин. Французский дипломат так описывает его действия: «Талызин вызвался ехать в сей город и не взял никого в свою шлюпку. Он запретил гребцам под опасением жизни сказывать, откуда он. Когда приехали в Кронштадт, то комендант, без приказанья коего не велено было никого пропускать, вышел к нему сам навстречу; видя его одного, он позволил ему выйти на берег и спросил о новостях. Талызин отвечал, что он ничего не знает, но, живучи всё в деревне, слышал, что в Петербурге беспокойно, а как его место на флоте, то он и приехал сюда прямо... Собрав несколько солдат... сказал, что император лишён престола, надобно оказать услугу императрице, сдавши ей Кронштадт... Они последовали за ним; комендант был арестован, а он, собравши гарнизон и морские войска, сделал к ним воззвание и заставил присягнуть императрице»⁵³.

В завершении рассказа о событиях в Кронштадте К.-К.Рюльер вкладывает именно в уста И.Л.Талызина слова, изгнавшие императорскую галерею с рейда крепости. Он приводит следующий диалог: «Кто идёт? — Император. — Нет императора <...> — Это я — познайте меня! [приказ Петра Третьего. — М.М.] <...> — Удалитесь! В противном случае по вас будут стрелять из пушек» [ответ И.Л.Талызина. — М.М.]⁵⁴. Другие авторы лишь пересказывали эти слова, но сюжетная линия их рассказов была точно такой же.

В описании К.-К.Рюльера адмирал предстаёт настоящим «властелином города», понимавшим всю опасность приближения корабля Петра III. Он приказал бить в набат, собрал гарнизон и приготовился к битве. Однако французский дипломат не являлся непосредственным участником событий: его не было в Кронштадте, он записал воспоминания позднее, когда официальная версия переворота была уже хорошо отшлифована.

Подробно о роли Кронштадта писал А.Шумахер (1726—1790), советник датского посольства в Петербурге. Именно в эту крепость император отослал один из своих первых указов: гарнизону выступить на защиту Петергофа. Но вскоре последовал другой приказ войскам: оставшись в крепости, сохранить её для монарха⁵⁵. Екатерина вспомнила о Кронштадте позже. Далее события разворачивались следующим образом: «Она приказала присутствовавшему адмиралу Талызину немедленно отправляться туда и обеспечить для неё этот пункт. Адмирал охотно и в ту же минуту согласился, но испросил собственноручный указ императрицы... Получив указ, адмирал пустился в дорогу, но прежде отправил перед собой в шлюпке одного лейтенанта, чтобы разузнать о настроениях и повлиять на них. При своём прибытии Талызин нашёл вице-адмирала князя Меншикова и коменданта крепости полковника фон Нумерса в заботах о тщательном укреплении всех входов в Кронштадт... Оба забыли и о присяге и о долге, предоставили императора его судьбе и тотчас же высказались за императрицу»⁵⁶. Представитель Петра III генерал-аншеф П.А.Девьер был бессилён что-либо сделать. Описание встречи императорской галеры в крепости повторяет сообщение К.-К.Рюльера. Однако оно более кратко, в нём ничего не говорится о действиях И.Л.Талызина⁵⁷.

Более краткий рассказ принадлежит перу Я.Я.Штелина (1709—1785), заведовавшего кабинетом и библиотекой Петра III. Он фиксировал события по часам. Запись о Кронштадте относилась к 4 ч пополудни: «Генерал Дивьер в сопровождении флигель-адъютанта князя Барятинского едет с одним из таких указов [именных императорских. — М.М.] в Кронштадт, чтобы удержать за государем эту крепость; но даёт возможность обмануть себя адмиралу Талызину, хотя последний приезжает туда с повелениями императрицы несколькими часами позже его»⁵⁸. Данное упоминание весьма ценно, ибо оно принадлежит непосредственному свидетелю событий, а не дипломату, узнавшему о них позднее от лиц, близких к Екатерине. В первом часу пополудни, продолжал Я.Я.Штелин, императорская галера подошла к крепости, государь, находившийся в шлюпке, потребовал, чтобы его впустили в город. Но он услышал в ответ: «...из Петербурга получено приказание не впускать никого, кто бы то ни был, а яхте велют удалиться, без чего в неё будут стрелять»⁵⁹.

Кратко упомянула о неудачной попытке Петра III закрепиться в Кронштадте и Е.Р.Дашкова: «Но он приехал в Кронштадт, когда адмирал Талызин, посланный императрицей, уже принял командование над флотом. Он не позволил Петру высадиться, так что тот принуждён был вернуться в Ораниенбаум...»⁶⁰

Что же рассказывала об этом сама императрица? В конце своего повествования о событиях 28 июня 1762 г. в письме к С.-А.Понятовскому (1732—1798), польскому посланнику⁶¹, она писала: «Я послала адмирала Талызина в Кронштадт... Когда бывший император узнал о мятеже в городе, молодые женщины, из которых он составил свою свиту, помешали ему последовать совету старого фельдмаршала Миниха, который советовал ему броситься в

Кронштадт или удалиться с небольшим числом людей к армии, и когда он отправился на галере в Кронштадт, город был уже в наших руках благодаря исполнительности адмирала Талызина, приказавшего обезоружить генерала Дивиера, который был уже там от имени императора, когда первый туда приехал. Один портовый офицер по собственному побуждению угрозил этому несчастному государю, что будет стрелять боевыми снарядами по галере. Наконец, господь бог привёл всё к концу...»⁶² Как видим, императрица действительно приказала адмиралу отправиться в Кронштадт и привлечь гарнизон морской крепости на её сторону. И.Л.Талызину пришлось противостоять посланцу императора П.А.Дивиеру. С этой задачей он справился успешно. Но Екатерина вложила слова, воспрепятствовавшие Петру III высадиться в гавани, в уста «одного портового офицера». Таким образом, не её посланник руководил событиями от её имени, всё решало волеизъявление народа, в данном случае воплотившееся в слова, сказанные «по собственному побуждению». Подобная трактовка произошедшего характерна и для событий, имевших место в столице. Данный факт уже неоднократно отмечался исследователями⁶³.

К тому же в своих записках императрица приводит несколько анекдотов о перевороте. Один из них — о Кронштадте: «Когда адмирал Талызин был послан в Кронштадт, мы все считали его погибшим человеком, потому что не представлялось понятным, чтобы император не подумал об этом порте и крепости: надо было сделать водою только одну милю от Ораниенбаума, тогда как от города было четыре, и он был послан лишь в полдень. Когда он приехал, действительно он нашёл генерала Девьера с двумя тысячами человек, выстроенных на пристани; этот последний спросил его, зачем он приехал; он ответил: “Я приехал поторопить отплытие флота”. — “А что говорят и делают в городе?” — “Ничего”, — сказал он. — “Куда вы направляетесь теперь?” — “Я собираюсь отдохнуть, я умираю от жары”. Тогда тот его пропустил; он вошёл в один дом, вышел из него через заднюю дверь и пришёл к коменданту Нумерсу, которому сказал: “Послушай, в городе совсем другие вести, чем здесь: все принесли присягу императрице. Я советую тебе сделать то же самое. У меня здесь четыре тысячи матросов, у тебя лишь две тысячи человек. Вот мой приказ: решайся”. Этот ответил, что сделает то, что ему будет угодно. “Ну, — сказал он, — ступай, обезоружь генерала Девьера”. Он пошёл на это, отозвал его в сторону, взял у него шпагу — и все принесли присягу»⁶⁴. Следовательно, если мы внимательно посмотрим на свидетельства Екатерины, К.-К.Рюльера, А.Шумахера, то заметим, что перед нами очень похожие друг на друга описания, имеющие черты легендарного рассказа. Возможно, первоисточником являлось письмо императрицы к С.-А.Понятовскому, впоследствии сообщившему подробности событий другим представителям дипломатического корпуса. Остаётся только сожалеть, что до сих пор в исследованиях уделялось мало внимания соотношению реального и легендарного в описании переворота 28 июня 1762 г.⁶⁵

Однако в нашем распоряжении имеются и официальные документы. Сохранился собственноручный приказ Екатерины Алексеевны, вручённый адмиралу и датированный 28 июня: «Господин адмирал Талызин от нас уполномочен в Кронштадт, и что он прикажет, то исполнять»⁶⁶. В журнале Адмиралтейской коллегии 29 июня 1762 г. было записано, что И.Л.Талызин отправился вместе с вице-адмиралом С.И.Мордвиновым в Кронштадт, «чтобы ведомство оной коллегии морских и адмиралтейских служителей в таком исправном состоянии были, как военное время требовало»⁶⁷. Данное предложение исходило от самого адмирала. Таким образом, миссия И.Л.Талызина носила вполне официальный характер, его появление в крепости не должно было вызвать особого удивления. Всё же, как мы видели, в указе, данном адмиралу, не было указано, какие действия он должен выполнить. Ему были предоставлены самые широкие полномочия. Но в по-

добных условиях, при совершении государственного переворота, опасно было делать более конкретные распоряжения.

Рапорт адмирала об успешном выполнении возложенного на него поручения был отправлен императрице в тот же день. Текст его не сохранился, но другие официальные бумаги и воспоминания делают понятным его содержание. Сам адмирал И.Л.Талызин также рассказывал о своей миссии в Кронштадт. 29 июня 1762 г. он отправил рапорт Н.И.Панину (1718—1783), обер-гофмейстеру и воспитателю великого князя Павла Петровича, ближайшему сподвижнику Екатерины Алексеевны, в котором просил отослать к нему указ императрицы, так как «некоторые сумнительны тому указу», который устно ему был дан. Вероятно, речь шла о документе, на котором была бы государственная печать. Также адмирал докладывал о приближении корабля императора к крепости: «Я уже по сё время третью тревогу бью: яхта опять в четыре часа подходила, только не близко; из Аранинбога гость ко мне приезжал и просился в Кронштадт, что обстоятельно в моём всеподданнейшем репорте к её величеству репортовано. Людей всемерно в Кронштадте мало обнять такую обширную гавань; предлагал в своём репорте, чтоб батальон сюда прислать наискорее; подлинно, ежели бы не прибыл в Кронштадт, то б трудно из него выживать»⁶⁸. Видимо, переход крепости на сторону сподвижников Екатерины был весьма сложным и долгим делом. И.Л.Талызин сомневался в том, что город удастся удержать, и на следующий день.

Императрица в рескрипте из Петергофа от 29 июня сообщила И.Л.Талызину: «Мы ваш репорт получили исправно и учинённым вашим распоряжением в Кронштадте крайне довольны, так что благоразумием вашим и верностию к нам, весь замысел бывшего адмирала пресёкся, и ваше сие учреждение немало способствовало к внутренней тишине отечества нашего, за что мы вас обнадёживаем нашею императорскою милостию, яко верного сына отечества, впрочем, ожидать имеете от нас повеления о возвращении к нам вашем, которое вскоре и прислано будет; а бывший уже император без всякого сопротивления к нам в руки отдался»⁶⁹. Данное распоряжение действительно вскоре последовало. В указе императрицы от 1 июля говорилось: «Указ нашему адмиралу Талызину. Получа сие, генерала графа Девиера имеете освободить, как вы сами, так и он, возвратиться в Санкт-Петербург и явиться у двора нашего»⁷⁰. Когда на следующий день, 2 июля 1762 г., адмирал прибыл в столицу, он получил в награду орден Св. Андрея Первозванного и две тысячи рублей. Было подтверждено его высокое положение в Адмиралтейской коллегии⁷¹. Впоследствии сопровождавшие его лица, отличившиеся 28—29 июня, также были награждены и повышены в звании⁷².

В сентябре того же года Екатерина Алексеевна отправилась на коронацию в Москву. И.Л.Талызин вошёл в число сопровождавших её лиц и был назначен докладчиком по морским делам⁷³. Там адмирал остался надолго. 9 июня 1763 г. ему было позволено остаться в Москве «до зимнего пути, без вычета жалования»⁷⁴. Только в следующем, 1764 г. он вернулся в столицу.

В течение всего этого времени шло судебное разбирательство дела о медленном исполнении приказаний адмирала офицерами кронштадтского гарнизона. Оказалось, что прежде действительной готовности крепостной артиллерии о ней отрапортовал цейхмейстер Пахомов. Вследствие приближения корабля императора пушки должны были быть готовы к возможному бою. Но выяснилось, что порох ещё не был доставлен из магазинов. Следствие доказало, что в тех необычных условиях Пахомов отдал общее распоряжение, не касавшееся конкретно обеспечения пушек порохом. Это и стало причиной медлительности других офицеров гарнизона. 15 июля 1764 г. на доклад И.Л.Талызина по этому делу последовала резолюция императрицы: «простить и уничтожить»⁷⁵. Данное разбирательство также подтверждает тот факт, что адмирал выполнял в Кронштадте сложное и ответственное поручение.

Что ещё мы можем сказать о службе И.Л.Талызина в первые годы правления Екатерины Великой? Его имя часто встречается на страницах журналов Адмиралтейской коллегии. Он выступал с докладами по различным хозяйственным вопросам: определение корабельных лесов в Архангельской губернии на рубку для постройки новых кораблей; состояние строительства кораблей и названия, которые даны новым судам; кадровые вопросы и подготовка флота к новой кампании (решено не проводить в 1763 г.); развитие книгопечатания в типографии при Морском кадетском корпусе⁷⁶. В определении нового штата Адмиралтейской коллегии И.Л.Талызин был назван высшим членом адмиралтейского правления⁷⁷. Он являлся «вторым лицом» после президента коллегии, генерал-адмирала великого князя Павла Петровича⁷⁸.

В 1764 г. Иван Лукьянович участвовал в суде над В.Я.Мировичем (1740—1764), подпоручиком Смоленского полка, попытавшимся освободить свергнутого императора Иоанна Антоновича (1740—1764)⁷⁹. Мы не располагаем какими-либо сведениями о роли адмирала в ходе судебного разбирательства.

В конце 1764 г. И.Л.Талызин подал прошение об отставке. Просьба была удовлетворена, 9 марта 1765 г. по состоянию здоровья он был уволен⁸⁰. За долгую и беспорочную службу императрица приказала выплачивать ему до смерти вместо пенсии сумму, равную жалованию, которое он получал в последние годы своей службы. В день отставки И.Л.Талызину также было выдано 20 тысяч рублей⁸¹.

Известно, что в эти же годы ему докучал А.А.Бестужев-Рюмин, недостойный сын великого канцлера, пьяница и мот. Однажды, изрядно выпив, он приехал к своему дяде и с руганью набросился на его жену⁸². И.Л.Талызин вынужден был выгнать злого родственника и пожаловаться его отцу. Несмотря на заступничество А.П.Бестужева, который, впрочем, прекрасно понимал, что за человек его сын, Талызины «нарочно для не-присутствия на свадьбе в деревню уехали»⁸³. Речь идёт о втором браке А.А.Бестужева: его отец надеялся, что женитьба на А.П.Долгорукой исправит сына. Но, увы, пьянство и мотовство продолжалось, брак в том же 1765 г. пришлось расторгнуть⁸⁴.

Нам не удалось найти сведений о последних годах жизни И.Л.Талызина. В эти годы он жил в своём особняке на Миллионной, выезжал в Москву и в деревни, находившиеся в Тверской губернии. В 1770 г. из московской адмиралтейской конторы было выделено «окладное покаяние за Мордвинова, Талызина и графа Чернышёва», поступившее в распоряжение Воспитательного дома в Москве⁸⁵. На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1760—1770-е годы можно встретить много известий об окладных покаяниях, поступавших на счёт Петербургского или Московского воспитательных домов. Видные сановники ежегодно выделяли средства «на каждый год по смерти»⁸⁶. Так как И.Л.Талызин продолжал получать жалование, перевод денег осуществлялся Морским ведомством.

Адмирал скончался 19 мая 1777 г.⁸⁷ О его кончине не было известно широкому кругу людей. Ни петербургские, ни московские ведомости не сообщали о ней. Он слишком давно отошёл от дел, не появлялся при дворе, его имя не связывалось с какими-нибудь скандальными происшествиями или судебными тяжбами. Таким был жизненный путь хозяйственного распорядителя Адмиралтейской коллегии, сподвижника Екатерины II, владельца особняка на Миллионной.

Примечания

¹РГАДА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 403. Л. 1—3, 12—17.

Герб рода выглядел следующим образом: щит разделён на четыре равные части. В первом, красном, поле изображён всадник на белом коне, скачущий с поднятой вверх саблей. Во втором, голубом, поле — воин, держащий в правой руке пику остриём вниз. В третьем, золотом, поле — чёрный одноглавый орёл с распростёртыми крыльями. В четвёртом, серебряном, поле — голубая восьмиугольная звезда. Щит увенчан шлемом с дворянской короной, из-за которой расходятся в сто-

роны три страусиных пера. Его поддерживают два льва, взгляд которых обращен в противоположные стороны; их хвосты изогнуты. — Там же. Л. 5.

²Фурсенко В.В. Политическая и дипломатическая деятельность Бестужевых-Рюминых (1708—1731 гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Л., 1941 // Архив СПбИИ РАН. К. 276. Оп. 2. Д. 68. Л. 360. — Дочь И.Л. Талызина Александра стала женой Ивана Андреевича Остермана, племянник Александр женился на Марии Степановне Апраксиной в 1763 г. — см.: РГАДА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 403. Л. 6.

³Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота (далее — Жизнеописания). СПб., 1834. Ч. 3. С. 45; Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 2. С. 419; Русский биографический словарь (далее — РБС). СПб., 1912. Т. 20. С. 275 (здесь указан 1700 г. как год рождения, но статья в целом содержит ряд неточностей — например, сказано, что у Ивана был только один брат Фёдор, что его послали на учёбу в Англию и т. д.).

⁴Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 424, 580—587; Рачинский А. Первые русские гардемаринны за границей // Русский вестник. 1875. № 11. С. 93—94. — Все навигаторы 1716 г. принадлежали к дворянскому сословию, но их семьи не были очень состоятельными.

⁵Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. Ч. III. С. 131; Мордвинов С.И. Записки адмирала Семёна Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868. С. 11—12; Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773) // Империя после Петра. 1725—1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С. 389 (автор говорит об отправке 56 гардемариннов). — Существуют некоторые расхождения в датах и цифрах в записках И.И. Неплюева и С.И. Мордвинова. Свидетельства последнего считаются более достоверными. Издатель записок И.И. Неплюева И.И. Голиков, беседовавший с автором, в своей публикации также отразил более правильные данные. Об этом говорится в издании записок И.И. Неплюева 1893 года.

⁶Неплюев И.И. Записки. С. 390.

⁷Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 141—142.

⁸Там же. С. 143 — письмо Петра I к Ф.М. Апраксину от 3 марта 1717 г.; Неплюев И.И. Записки. С. 390, 414 (в Амстердаме скончался Иван Воробьёв, Алексей Костюрин сбежал в датскую службу в солдаты); Рачинский А. Первые русские гардемаринны. С. 95, 98.

⁹Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. Т. 1. С. 4—16.

¹⁰О Ф.Л. Талызине известно следующее: он родился в 1692 г., учился в Морской академии и в 1718 г. получил звание гардемарина. 1 апреля 1722 г. в чине мичмана был послан «на служение на Каспий». 26 августа 1726 г. был произведён в унтер-лейтенанты. Удалённая от двора двоюродная сестра Ф. Л. Талызина княгиня А.П. Волконская в 1727—1728 гг. жила в его подмосковной деревне Дедово. Здесь же находился в это время и сам Ф.Л. Талызин. В 1728 г. они и их друзья были арестованы. Их дело рассматривал Верховный Тайный Совет. По окончании судебного разбирательства 18 февраля 1729 г. Ф.Л. Талызин был отправлен в составе геодезической экспедиции в числе посланных от Морской академии офицеров в Казань, а оттуда в Казанскую, Нижегородскую губернии и в Симбирскую провинцию «для описи годных к корабельному делу дубовых и прочих лесов и сочинения по тем местам ландкарт». В 1731 г. он командовал пакетботом «Почталён», совершившим плавание из Кронштадта в Данциг и обратно. 18 января 1733 г., согласно новому штату, Ф.Л. Талызин был пожалован званием «лейтенанта майорского ранга». 14 ноября 1735 г. ему было «велено быть советником от флота» в экипажеской конторе. Кроме того, он получил звание полковника. На этом посту он находился до 28 октября 1736 г. Имея чин тайного советника, Ф. Л. Талызин скончался 26 июня 1740 г. У него было четверо детей: сыновья Александр (ревностный приверженец Екатерины II; женился на М.С. Апраксиной и был воспитателем и опекуном Александра и Алексея Борисовичей Куракиных; продолжатель рода Талызиных), Иван и Пётр и дочь Степанида. — см.: РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 225. Л. 1—6; Ф. 870. Оп. 1. Д. 156; РГАДА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 403. Л. 6; Фурсенко В.В. Ук. соч. // Архив СПбИИ РАН. К. 276. Оп. 2. Д. 68. Л. 271—275, 309—326; Материалы для истории русского флота. СПб., 1875. Ч. 5. С. 732; 1879. Ч. 7. С. 331; 1880. Ч. 8. С. 48, 261; Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 366; Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 20. С. 280.

¹¹См. подробнее: Фурсенко В.В. Ук. соч. // Архив СПбИИ РАН. К. 276. Оп. 2. Д. 68. Л. 264—270, 309—333; Шубинский С.Н. Княгиня А.П. Волконская и её друзья // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995. С. 40—49; Милова М.А. А.П. Бестужев-Рюмин и дело А.П. Волконской // Формула России: центр и периферия. Материалы межвузовской научной конференции 15 декабря 2000 года. СПб., 2000. С. 334—338.

¹²Материалы для истории русского флота. СПб., 1879. Ч. 7. С. 526, 531, 572, 593.

¹³Там же. СПб., 1880. Ч. 8. С. 215.

¹⁴Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. С. 83—84; Чубинский В. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб., 1869. С. 36—37.

¹⁵Регламент благочестивейшего государя Петра Великого, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийского, о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской и Прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся от 5 апреля 1722 года (далее — Регламент). СПб., 1753. С. 73.

¹⁶Там же. С. 96—97.

¹⁷Там же. С. 86.

- ¹⁸Материалы для истории русского флота. СПб., 1880. Ч. 8. С. 140—141.
- ¹⁹Регламент. С. 87 — 91.
- ²⁰Материалы для истории русского флота. СПб., 1880. Ч. 8. С. 707—708; 1882. Ч. 9. С. 22.
- ²¹Там же. 1882. Ч. 9. С. 22; Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 2. С. 420.
- ²²Баранов П.И. Описание Высочайших Указов и повелений, хранящихся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век (далее — Описание). СПб., 1878. Т. 2. С. 690. — И.А.Черкасов, участник кружка А.П.Волконской, был возвращен из ссылки в это же время.
- ²³Там же. Т. 3. С. 24; Берх В.Н. Жизнеописание. С. 46.
- ²⁴Баранов П.И. Описание. Т. 3. С. 76.
- ²⁵Там же. С. 77; Санкт-Петербургские ведомости. 1741. 4 декабря. С. 7.
- ²⁶Баранов П.И. Описание. Т. 3. С. 76—77.
- ²⁷Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым. СПб., 1872. С. 222—331. — Состав комиссии: действительный тайный советник М.В.Долгорукий, генерал В.Я.Левашов, генерал-лейтенанты С.Л.Игнатъев и П.В.Измайлов; граф П.С.Салтыков, тайный советник П.М.Шипов, генерал-интендант граф А.И.Головин; советники Адмиралтейской коллегии З.Д.Мишуков, И.Л.Талызин, А.Пушкин; генерал-майоры граф С.Ф.Апраксин, П.Воейков, Д.Чернцов, И.Козлов, М.Салтыков, С.Караулов; действительный камергер князь И.Ю.Трубецкой, президент Камер-коллегии Г.Кисловский, президент коллегии Н.Кречетников, обер-прокурор Синода князь Я.П.Шаховской (С. 222—223); Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 2. С. 420.
- ²⁸Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). 1894. Т. 91. С. 380—381.
- ²⁹Там же. С. 407, 419, 421; 1871. Т. 6. С. 388, 404—405. — Допросы были очень суровы, поэтому домашний учитель детей А.И.Остермана профессор философии Х.-Ф.Гросс 2 января 1742 г. покончил с собой и тем самым стал единственной жертвой переворота Елизаветы Петровны.
- ³⁰РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 10. Д. 86. Л. 377.
- ³¹Там же. Д. 87. Л. 82; Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 2. С. 58.
- ³²Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 7; Санкт-Петербургские ведомости. 1748. 14 октября. С. 6.
- ³³Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 26—27.
- ³⁴Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. С. 100, 112—113.
- ³⁵Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 68, 156, 700.
- ³⁶Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. С. 113.
- ³⁷Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 700—702.
- ³⁸Об идеологии елизаветинского правления см.: Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2000. С. 96—106, 109—113.
- ³⁹Чубинский В. Историческое обозрение. С. 67.
- ⁴⁰Иванов А.А. На углу Мошкова переулка // Я иду по Миллионной. СПб., 2000. Вып. 1. С. 17.
- ⁴¹Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 183. — В своих действиях в сенатском присутствии они должны были руководствоваться инструкциями для членов Сената от 5 апреля 1722 г.
- ⁴²Там же. С. 402. — В этот день состоялось «производство флагманов», двое стали адмиралами: И.Л.Талызину предписывалось рассмотрение дел в Адмиралтейств-коллегии, З.Д.Мишукову — руководство действиями флота.
- ⁴³См.: Коробков Н.М. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946; Криницын С.Ф. Русский флот в Семилетней войне // Морской сборник. 1944. № 12. С. 55—74.
- ⁴⁴Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 374, 448, 498, 552, 614.
- Смотр 22 мая 1757 г. производили: адмирал И.Л.Талызин, вице-адмиралы А.Полянский и Г.-А.Кейзер, контр-адмирал С.Мещерский, секунд-интендант Д.Овцын.
- Смотр 27 июня 1758 г. производили: адмирал И.Л.Талызин, обер-штер-кригс-комиссар В.Ларионов, член Кронштадтского порта контр-адмирал Х.Лаптев, цейхмейстер М.Зыков, секунд-адъютант И.Пушин.
- Смотр 11—12 июня 1761 г. производили: адмиралы И.Л.Талызин и В.А.Мятлев, контр-адмиралы В.Ларионов и С.Мещерский.
- ⁴⁵Там же. С. 670.
- ⁴⁶Вероятно, И.Л.Талызин поддерживал хорошие отношения и с графом М.П.Бестужевым-Рюминым, противостоявшим политике своего родного брата. Об этом может свидетельствовать тот факт, что последний, получив назначение на пост посланника России во Франции, взял среди прочих (в составе посольства также были: граф А.П.Шувалов, поручик лейб-гвардии Конного полка; канцелярский советник Чернев) сына адмирала Л.И.Талызина, сержанта лейб-гвардии Семёновского полка. — См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1756. 18 октября. С. 2.
- ⁴⁷Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 99. Л. 23—23 об.; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 8. Д. 41. Л. 1—2; Д. 49. Л. 2; Д. 50. Л. 2 и 2 об. — Во время обеда сановников у прусского посланника последний, отозвав И.Л.Талызина в сторону, попытался его убедить, что канцлеру необходимо принять в дар от Фридриха II 50 тысяч рублей. А.Мардефельд пояснил данное подношение так: «Король, уважая Бестужева, желал бы, чтоб тот всегда держался его стороны». Советник заметил, что канцлер никогда не стал бы хитрить, а подарок можно преподнести ему непосредственно. Несмотря на просьбу дипломата о сохранении в тайне этого разговора, И.Л.Талызин 10 сентября 1744 г. доложил о нём в Коллегию иностранных дел. Таким образом, канцлеру было известно, в какую игру с ним пытается играть посланник Пруссии.
- ⁴⁸Ибнеева Г.В. Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Казань, 1994; Ransel D.L. The politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven & London, 1975. P. 24—89.

⁴⁹Волконский М.Н. — сын А.П. Волконской, урождённой Бестужевой-Рюминой, двоюродный племянник адмирала, генерал-лейтенант, отличившийся в годы Семилетней войны; Куракин Б.А. — генерал-поручик (1761), гофмейстер (1762) и сенатор, родство с И.Л. Талызиным ещё более отдалённое, но отношения, наоборот, более тесные: впоследствии Иван Лукьянович управлял имениями рано ушедшего из жизни Б.А. Куракина (1764), а в семье его племянника А.Ф. Талызина воспитывались дети покойного; Панин Н.И. — посланник в Швеции, с 1760 г. воспитатель великого князя Павла Петровича и обер-гофмейстер, действительный тайный советник (1761).

⁵⁰Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 322; Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 99.

⁵¹Мыльников А.С. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники самозванцы. Л., 1991. С. 92.

⁵²Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 261—312. — Ю.А. Лимонов, автор предисловия к данному изданию, отмечает тенденциозность и политическую направленность повествования французского дипломата, целью которого было показать негативное правление императора, повлёкшее за собой государственный переворот. С. 9—10.

⁵³Там же. С. 301—302.

⁵⁴Там же. С. 302. — Интересны слова И.Л. Талызина, поясняющие его появление в Кронштадте; их мог бы произнести флотоводец, капитан фрегата, но в устах человека, всю жизнь занимавшегося хозяйственными вопросами Морского ведомства, они звучат неправдоподобно. Это свидетельствует о незнании автором записок сферы занятий адмирала в Адмиралтейской коллегии.

⁵⁵Шумахер А. История низложения и гибели Петра Третьего / Пер. М.А. Бойцова // Дворцовые перевороты в России 1725—1825. Ростов-н/Д., 1998. С. 310.

⁵⁶Там же. С. 310—311.

⁵⁷Там же. С. 312.

⁵⁸Штелин Я.Я. Записка Я.Штелина о последних днях царствования Петра III // Дворцовые перевороты. С. 341.

⁵⁹Там же. С. 343.

⁶⁰Цит. по: Дворцовые перевороты. С. 389.

⁶¹С.-А. Понятовский с середины 1750-х гг. являлся фаворитом великой княгини Екатерины Алексеевны.

⁶²Екатерина II. Записки. СПб., 1907. С. 565, 570—571.

⁶³См. например: Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. С. 318—320; Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...». С. 82—95.

⁶⁴Екатерина II. Записки. С. 513—514.

⁶⁵См. например: Искюль С.Н. Год 1762. СПб., 2001. С. 169—171.

⁶⁶Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 101.

⁶⁷Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. 11. С. 23.

⁶⁸Осьмнадцатый век: Исторический сборник / Изд. П. Бартеневым. М., 1868. Кн. 2. С. 634.

⁶⁹Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 106.

⁷⁰Там же. С. 108.

⁷¹Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 2. С. 420; РБС. СПб., 1912. Т. 20. С. 276.

⁷²Там же. С. 1—2, 25; Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 1. С. 21—22. — Указ от 6 июля 1762 г.

Пожалования и награды
лиц, сопровождавших
И.Л.Талызина в июне
1762 г.

Имя	Выполняемые обязанности	Награда
Лейтенант Андрей Елецкий	Адьютант И.Л.Талызина, посланный с рапортом к Екатерине	Повышение в чине — капитан-лейтенант, жалование за два года
Унтер-лейтенант Данило Волчков	Адьютант С.И.Мордвинова	Повышение в чине — корабельный секретарь, жалование за год
Корабельный секретарь Федор Кадников	Выполнял приказ никого не пускать в крепость; препятствовал проходу судов в Ораниенбаум, куда был отвезен после ареста Петр III	Повышение в чине — лейтенант, жалование за два года
Мичман Михаил Кожухов	Находился на бастионе, не пропустил императора	Повышение на два чина — корабельный секретарь, жалование за два года
Подпоручик Безбородов	На карауле у И.Л.Талызина	Повышение в чине — поручик, жалование за два года
Лейтенант Коняев	Обязанности дежурного майора при И.Л.Талызине; «поступал с крайнею ревностью»	Повышение в чине — капитан-лейтенант, жалование за год

⁷³Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 2. С. 420.

⁷⁴РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

⁷⁵Там же. Д. 20. Л. 128—130. — Некоторое наказание всё же было учинено: цейхмейстер Пахомов уплатил денежный штраф, цейхвахтер Казаков и констапель Украинцев были понижены в чинах.

⁷⁶Там же. С. 46, 71, 72, 76—78, 82, 140, 142—145, 153, 156, 157; РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 19. Л. 14—16.

⁷⁷Собрание списков, содержащее имена всех служивших в Российском флоте с начала ононого флагманов, обер-сарваеров и корабельных мастеров, и ныне служащих в оном и при Адмиралтействе как флагманов, так штаб- и обер-офицеров. СПб., 1764. С. 3, 13. — Новый штат Адмиралтейской коллегии был утвержден 5 июня 1764 г.

⁷⁸Существует мнение (см.: Алхименко А.П., Доценко В.Д. История Российского флота. СПб., 1995. С. 48.), что, несмотря на старшинство И.Л.Талызина по должности, главным деятелем в Морском ведомстве был С.И.Мордвинов. При Петре III он являлся членом, а при Екатерине Алексеевне — председателем «комиссии для приведения флотов в безопасное и для чести Империи сходственное положение» (о комиссии см.: Морская комиссия Петра III / Публ. и комм. К.Л.Козюрёнка // Гангут. Сб. ст. 1998. Вып. 17. С. 15—26). На самом деле молодая императрица действовала очень разумно, поручая разным лицам различные поручения. Верховное руководство лучше всего было возложить на наследника престола. И.Л.Талызин мог лучше всех исполнять административную работу и осуществлять общее руководство Адмиралтейской коллегией. Наиболее опытный морской офицер С.И.Мордвинов способен был добиться успехов в деле реформирования флота. Сама же правительница больше прислушивалась к мнению И.Г.Чернышёва, как это отметил ещё Ф.Ф.Веселаго (Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. С. 121—122).

⁷⁹Берх В.Н. Жизнеописания. СПб., 1834. Ч. 3. С. 46.

⁸⁰Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. 11. С. 207.

⁸¹Русский архив. 1863. Т. 1. Вып. 3. С. 191—192. — Екатерина Алексеевна, отправляя распоряжение А.В.Олсуфьеву о выдаче денежных сумм «большим барьям», отметила, что «Талызину под рукою надлежит дать, дабы два ровные подарка при отставке не служили бы примером прихотливым людям». Таким образом, она стремилась выразить адмиралу признательность за былую услугу, но не хотела, чтобы данный случай стал прецедентом для подарков другим лицам, уходящим в отставку и не оказавшим важной услуги.

⁸²И.Л.Талызин был женат на Ирине Ильиничне Исаевой. У них были дети: Лукьян, Александр, Александра (РГАДА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 403. Л. 6; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 460—469).

⁸³Семейные отношения графа А.П.Бестужева-Рюмина // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века, изданный М.Михайловым. СПб., 1873. С. 361 — В письме А.П.Бестужева-Рюмина к сыну от 31 июня 1765 г. есть такие строки: «Талызин тебя выбил из горницы и с лестницы сбросить велел». Следует отметить, что дома Талызиных и Бестужевых находились очень близко друг к другу. И.Л.Талызин с 1750 г. жил в доме № 21 по Миллионной улице. А.П.Бестужеву после возвращения его из ссылки летом 1762 г. был пожалован дом № 7 на той же улице (об этом см.: Иванов А.А. Фельдмаршал от политики // Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 12 февраля. С. 19; Сергеева Н.И. Почти ровесник города // Зеркало. Журнал Санкт-Петербургского Университета культуры и искусств. 2001. № 4—6. С. 8—9).

⁸⁴См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 145. Л. 90—100; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 254; Семейные отношения. С. 345—369. — А.А.Бестужев был заключён в Свирский мужской монастырь. Но 10 апреля 1766 г. скончался его отец. Сын под надзором опекунов, которыми стали его двоюродные братья князя Волконские, вступил во владение имуществом. Невоздержанная жизнь вскоре свела его в могилу: он умер в 1768 г.

⁸⁵РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1770. Д. 55. Л. 335—339.

⁸⁶Так, например, 20 октября 1763 г. А.П.Бестужев-Рюмин выделил Петербургскому воспитательному дому 3 тысячи рублей из своего ежегодного пенсионера в 20 тысяч рублей «по смерти на каждый год». — См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1769. 4 ноября. С. 12.

⁸⁷РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 769. Л. 116. — В биографиях И.Л.Талызина не указана точная дата смерти. В обнаруженном в архиве документе сообщается о выдаче 30 мая 1777 г. пенсии наследникам адмирала, скончавшегося 19 мая того же года.